

УДК 332.14

АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2016 г.

М.Л. Горбунова, В.Н. Овчинников, А.Ю. Апыхтина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

gorbunova@iee.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 28.12.2015**Статья принята к печати 22.01.2016*

Исследуются особенности финансирования прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регионы РФ китайскими хозяйствующими субъектами. Авторы тестируют серию гипотез с помощью методов параметрической и непараметрической статистики. На основании полученных результатов сформулированы следующие основные выводы: при выборе места локализации своего капитала китайские инвесторы не руководствуются такими факторами, как потребительский потенциал и темпы роста внутреннего рынка, а также наличие сырьевой составляющей в экономике субъекта РФ. Не наблюдается связи между числом мигрантов из КНР, прибывших в регион, и объемом ПИИ КНР. Выявлена значимая негативная связь между территориальной удаленностью региона от КНР и объемами инвестиций из КНР.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, валовый региональный продукт (ВРП), китайская миграция, регионы РФ, коэффициент линейной корреляции Пирсона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, статистическая связь, статистическая значимость.

Введение

Проблематика привлечения прямых иностранных инвестиций в целях регионального развития является междисциплинарной по своей природе, и поэтому ей посвящены работы, выполненные и регионаловедом, и международниками. Исследователи региональной экономики в большей степени сфокусированы на роли инвестиций в экономике территориальных образований, а также на причинах возникновения межрегиональных различий в инвестиционном процессе эндогенного типа. Экономисты-международники исследуют международные, экзогенные факторы привлечения инвестиций из-за рубежа в субъекты Российской Федерации, связанные с мотивацией и офшорным происхождением инвесторов.

В целом, основные аспекты исследований привлечения иностранных инвестиций в экономику регионов России касаются:

- общих тенденций привлечения иностранных инвестиций в регионы России [1–7];
- классификации регионов по типу инвестиционного климата [8–10];
- анализа факторов, обуславливающих приток иностранных инвестиций в экономику регионов РФ [11–18]. Наиболее часто учеными тестировались гравитационные модели межтерриториального потока ПИИ по аналогии с внешнеторговыми контактами. Любо-

пытно, что применение данных моделей в отношении анализа факторов притока ПИИ в регионы РФ приводило авторов к противоречивым результатам. В работе И. Ивасаки и К. Суганумы [18] отрицается гипотеза о том, что крупнейшими инвестиционными партнерами регионов РФ являются страны, находящиеся в непосредственной близости от данного региона. При этом ключевая роль отводится таким объясняющим переменным, как обеспеченность региона сырьевыми товарами и размеры потребительского рынка. С другой стороны, путем эконометрического моделирования Т. Буцеллато и Ф. Сантанджелло [19] получили доводы в пользу статистической значимости экзогенной переменной – расстояния до места приложения инвестиций, однако не находят положительной корреляции между объемами ПИИ в регион и размерами его потребительского рынка, а также обеспеченностью углеводородами;

- исследования влияния иностранных инвестиций на развитие регионов РФ [20–23];
- проблем инвестирования нерезидентов из офшорных зон. В исследовании С. Ледяевой, П. Кархунен, Р. Косонен, Д. Уолли [24] выдвигаются и подтверждаются гипотезы, в соответствии с которыми уровень инвестиций в регионы РФ из офшорных зон положительно коррелирует с уровнем коррупции в том или ином территориальном образовании.

Несмотря на широкое разнообразие исследований, посвященных общим и частным вопросам привлечения ПИИ в регионы России, ученые зачастую обходят стороной проблематику инвестиционного взаимодействия субъектов РФ с отдельно взятой страной – донором ПИИ. Авторы настоящего исследования акцентируют свое внимание на анализе и развитии механизмов инвестиционного сотрудничества КНР и регионов РФ. В работе Д.А. Изотова [25] дается описание ключевых инвестиционных проектов, реализуемых в рамках Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг., а также подчеркивается несбалансированность интересов российских и китайских партнеров. В частности, для китайской стороны интерес представляет географическая диверсификация поставок сырьевых товаров и сбыт готовой продукции на российском рынке, для российской – глубокая переработка сырья на территории восточных регионов России. М.В. Потапенко [26] исследует растущий интерес со стороны КНР к африканским регионам в контексте потенциальных рисков такого рода инвестиционного сотрудничества для России. Географическая структура прямых инвестиций Китая в Африку отличается его повышенным вниманием к странам, богатым природными ресурсами (Нигерия, ЮАР и Судан). В отдельных случаях речь идет о таких условиях сотрудничества, как «инфраструктура в обмен на ресурсы». Таким образом, Китай решает, с одной стороны, задачу выхода своих государственных и частных компаний на развивающийся рынок Африки и загрузки их производственных мощностей, с другой стороны – в качестве платы получает бесперебойные поставки сырьевых товаров для целей развития своей быстрорастущей экономики. Наконец, автор отмечает, что Россия, пытаясь переформатировать логику торговых и инвестиционных взаимоотношений с Китаем, теряет в его лице крупнейшего внешнеэкономического партнера.

Учитывая вышесказанное, авторами выдвигается серия гипотез, с помощью статистической проверки которых определяются показатели, тесно и разнонаправленно связанные с объемами потока прямых инвестиций из Китая в регионы России.

Гипотеза 1. Одной из ключевых детерминант привлечения ПИИ в региональную экономику является ее производственный потенциал, количественным измерителем которого служит

валовой региональный продукт (ВРП). Последний символизирует собой и потребительский потенциал регионального рынка и, соответственно, саму перспективу извлечения прибыли в его границах. Более того, ученые зачастую в качестве экзогенной переменной при построении эконометрической модели используют ВРП, скорректированный на численность населения региона, иначе говоря, производительность труда.

Таким образом, предполагается, что иностранный инвестор, обладающий аналитической информацией о результатах функционирования региональных экономик и стремящийся к максимизации прибыли на вложенный капитал, принимая решение о финансировании инвестиций за рубежом, будет исходить из следующей экономической логики: чем выше уровень ВРП на душу населения территории – тем больше ПИИ будет локализовано в ее границах, и наоборот.

Гипотеза 2. Развивая идею о потенциальной положительной связи показателя производительности труда и потока ПИИ, справедливо также предположить, что темпы роста первого, иначе говоря, быстрорастущий рынок способен повысить привлекательность финансирования инвестиций из-за рубежа, поскольку генерирует большую величину прибыли на вложенный капитал инвестора, нежели чем стагнирующий рынок.

Гипотеза 3. Широко используемый в макроэкономике гравитационный подход к оцениванию детерминант ПИИ подразумевает, что взаимный инвестиционный поток не только положительно связан с валовым продуктом региональных экономик, но и отрицательно коррелирует со степенью территориальной удаленности инвестора и объекта вложений. Дело в том, что расстояние олицетворяет собой трансакционные издержки, подрывающие мотивацию к осуществлению хозяйственной деятельности экономическим агентом.

Гипотеза 4 относится уже скорее не к общей методологии, объясняющей международные потоки ПИИ, а к отдельным или страновым моделям инвестиционного поведения. Увеличение прямых китайских инвестиций в соседних государствах подчас обуславливается направлением на совместные предприятия китайских рабочих, что порождает трения во Вьетнаме и Индии, где заинтересованы в первоочередном трудоустройстве местного населения. Иными словами, речь идет о положительной корреляции между притоком прямых инвестиций из Китая и перемещением китайской рабочей силы в соответствующий регион РФ.

Таблица 1

Дескриптивный анализ показателей

Переменная	Обозначение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Источник
1. Поступило прямых инвестиций в субъекты РФ из Китая, долларов США	$FDI_{per\ capita}$	9.92	20.56	ЕМИСС
2. ВРП на душу населения, руб.	$GDP_{per\ capita}$	358448.5	253472.3	Росстат
3. Индекс физического объема ВРП на душу населения, %	$InGDP_{per\ capita}$	100.714	4.67	ЕМИСС
4. Расстояние между столицей субъекта РФ и Пекином по прямой, км	Dis	3829.566	1805.538	http://ru.distance.to/
5. Число прибывших мигрантов в субъекты РФ из Китая, чел.	Mig	29	64	ЕМИСС
6. Доля продукции ТЭК и металлов в общей структуре товарного экспорта субъектов РФ	Raw	0.476	0.316	Федеральная таможенная служба

Источник: расчеты авторов, данные приведены за 2013 год.

Гипотеза 5 затрагивает структуру экспорта/импорта стран/регионов, на основании которой делается вывод об их сравнительном преимуществе с позиции участия в процессе международного разделения труда. Учитывая тот факт, что китайская экономика во многом формирует мировой спрос на сырьевые товары, объектом ПИИ Китая должны стать страны/регионы, в экспортной структуре которых данные группы товаров преобладают над остальными.

Данные и методология исследования

В исследовании были использованы данные Росстата, ЕМИСС, а также материалы рейтингового агентства «Эксперт РА». На их основе были получены необходимые количественные показатели, в том числе душевой ВРП субъектов РФ – $GDP_{per\ capita}$, темпы роста ВРП на душу населения – $InGDP_{per\ capita}$, расстояние между столицей субъекта РФ и Пекином – Dis , объем ПИИ Китая в субъекты РФ, скорректированный на численность населения последних, – $FDI_{per\ capita}$, число прибывших китайских мигрантов в субъекты РФ – Mig , доля продукции ТЭК и металлов в общей структуре экспорта регионов РФ – Raw (табл. 1).

Методологической базой исследования послужили дескриптивный метод и корреляционный анализ. На первом этапе осуществлялась стандартизация включенных в анализ показателей для приведения их к единой размерности. На последующем этапе было проведено визуальное оценивание потенциальной формы свя-

зи исследуемых показателей через построение корреляционного поля с попыткой аппроксимировать его линейной/нелинейной функцией. При вынесении заключения о преобладающей нелинейной форме связи между показателями (за исключением связи между объемами ПИИ из Китая на душу населения – $FDI_{per\ capita}$ и темпами роста реального ВРП на душу населения – $InGDP_{per\ capita}$ в 2010–2013 гг.) применение линейного коэффициента корреляции Пирсона не представлялось статистически корректным. Более того, многочисленные методы аналитического выравнивания не способствовали линейзации формы связи между переменными (исключением стала лишь связь между объемами ПИИ из Китая на душу населения – $FDI_{per\ capita}$ и расстоянием – Dis , где было осуществлено логарифмическое преобразование). Поэтому в качестве количественного измерителя тесноты и направления связи между двумя величинами в основном использовался коэффициент корреляции рангов Спирмена (в частных случаях – коэффициент линейной корреляции Пирсона), вместе с этим проверялась статистическая значимость коэффициентов корреляции с помощью t -критерия Стьюдента.

Результаты исследования

С использованием программного продукта Statistica 12 были получены результаты, представленные в таблице 2.

Эмпирическое тестирование выдвинутых гипотез позволяет сделать ряд обобщенных выводов.

Таблица 2

Корреляционная матрица показателей $FDI_{per\ capita}$, $InGDP_{per\ capita}$, Dis , Mig , Raw Китая (2010–2013 гг.)

	$FDI_{per\ capita}$			
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
$GDP_{per\ capita}$	$t_{эмпир.} (0.888) <$ $t_{крит.} (1.721)$	$t_{эмпир.} (0.45) <$ $t_{крит.}$ (1.706)	$t_{эмпир.} 0.020 <$ $t_{крит.} (1.697)$	$t_{эмпир.} (0.042) <$ $t_{крит.} (1.706)$
$InGDP_{per\ capita}$	$t_{эмпир.} (2.123) >$ $t_{крит.} (1.721)$	$t_{эмпир.} (1.693) <$ $t_{крит.} (1.706)$	$t_{эмпир.} 1.717 >$ $t_{крит.} (1.697)$	$t_{эмпир.} 5.198 >$ $t_{крит.} (1.706)$
Dis	$t_{эмпир.} 2.482 >$ $t_{крит.} (1.721)$	$t_{эмпир.} 2.466 >$ $t_{крит.} (1.706)$	$t_{эмпир.} 4.306 >$ $t_{крит.} (1.697)$	$t_{эмпир.} 3.07 >$ $t_{крит.} (1.706)$
Mig	$t_{эмпир.} (0.119) <$ $t_{крит.} (1.721)$	–	–	–
Raw	–	$t_{эмпир.} 0.827 <$ $t_{крит.} (1.706)$	$t_{эмпир.} 1.536 <$ $t_{крит.} (1.697)$	$t_{эмпир.} 1.372 <$ $t_{крит.} (1.706)$

Источник: расчеты авторов, $p < 0.05$.

Во-первых, отсутствует статистически значимая связь между показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и ВРП на душу населения ($GDP_{per\ capita}$) на протяжении всего изучаемого периода. Во-вторых, отсутствует тесная положительная корреляция между показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и китайской миграцией в регионы РФ (Mig) в 2010 году. Пролонгировать корреляционный анализ данных величин не представляется возможным ввиду дефицита статистических сведений. Аналогичным образом не удастся отметить статистически значимой связи между показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и ресурсообеспеченностью регионов РФ (Raw). Наконец, прослеживается значимая отрицательная связь между логарифмически преобразованными показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и расстоянием (Dis) по всей длине временного ряда (максимум R^2 достигается при попытке аппроксимации формы связи степенной функцией). Любопытно, что отмечается также изначально положительная, а затем и отрицательная статистически значимая корреляция между показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и темпами роста реального ВРП на душу населения ($InGDP_{per\ capita}$). Объяснением этому служит тот факт, что темпы роста реального ВРП на душу населения ($InGDP_{per\ capita}$) тесно прямо коррелируют с расстоянием (Dis), то есть регионы РФ, находящиеся ближе к столице Китая, изначально переживали довольно высокие темпы экономического роста (2010 год), а затем ситуация изменилась на противоположную, экономики ключевых субъектов-реципиентов китайских инвестиций находились в состоянии затянувшейся рецессии (2012 и 2013 год).

Таким образом, гипотезы 1, 2, 4 и 5 отвергаются. При выборе места локализации своего капитала китайский инвестор не руководствуется такими факторами, как потребительский потенциал внутреннего рынка или, что одно и то же, рынка субъекта РФ; Китай не склонен направлять прямые инвестиции в быстрорастущие субъекты РФ; число прибывших в регион РФ китайских мигрантов не коррелирует с объемом ПИИ Китая в соответствующий регион; китайский инвестор не ищет сырьевые товары на рынках субъектов РФ. Гипотеза 3 принимается: территориальная удаленность, символизирующая собой транзакционные издержки, негативно влияет на объемы ПИИ китайской стороны в регионы РФ.

Выводы

Результаты исследования являются в определенной степени неожиданными, поскольку большинство правдоподобных гипотез о характере инвестирования КНР в регионы РФ, в частности о привлекательности крупных или динамичных регионов, было отвергнуто. По мнению авторов, это говорит о том, что китайские инвестиции в настоящее время не играют в регионах России ключевой роли по сравнению с финансовыми потоками развитых стран. Гипотеза об инвестициях КНР в более близко расположенные субъекты РФ частично объясняет это явление, поскольку регионы Сибири и российского Дальнего Востока не обладают сильными экономиками и находятся в нестабильном, скорее стагнирующем положении. Отсутствие связи между уровнем сырьевой специализации региона и потоками прямых инвестиций из КНР отражает то обстоятельство, что Россия сохраняет суверенитет в отношении доступа к источникам природных ресурсов и мощностей по их переработке. Таким

образом, Китай не может реализовать типичную для себя модель вложения инвестиций, когда приоритетными отраслями вложения средств являются сырьевые. Отсутствие связи между привлекаемыми инвестициями и притоком мигрантов также говорит об особенностях протекания китайских инвестиционных процессов в РФ или об их по-прежнему низких объемах.

В дальнейших исследованиях авторы предполагают сфокусироваться на построении факторной модели инвестиций КНР в регионы РФ, используя полученную в данной работе информацию.

Список литературы

1. Гордячкова О.В. Кластерный анализ привлечения иностранных инвестиций российскими регионами // Российское предпринимательство. 2013. № 3 (225). С. 116–121.
2. Захарова А.П., Олейник Е.Б. Анализ сдвигов в структуре иностранных инвестиций, поступивших в экономику Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 20. С. 9–15.
3. Леонова Ю. Прямые иностранные инвестиции в регионах России: тенденции 2009–2012 гг. // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 5. С. 65–72.
4. Магоматов Э.М. Проблемы российских регионов в условиях мирового финансово-экономического кризиса // Экономика и предпринимательство. 2013. № 10 (39). С. 135–138.
5. Магоматов Э.М. Деятельность иностранных инвесторов в российских регионах (Обзор данных официальной статистики) // Экономика и предпринимательство. 2013. № 11 (40). С. 213–215.
6. Полиди А.А., Сичкар С.В. Эконометрическая оценка факторов и динамики иностранных инвестиций в экономику региона // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9 (38). С. 234–239.
7. Муноз Л.Ф. Привлечение прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 2 (62). С. 28.
8. Матраева Л.В. Статистический анализ устойчивости роста потока прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации // Вопросы новой экономики. 2013. № 4 (28). С. 47–53.
9. Матраева Л.В. Прогнозирование потоков прямых иностранных инвестиций в регионы РФ // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 5. С. 172–176.
10. Тулупова Д.В. Факторы, оказывающие влияние на приток прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2014. № 2 (30). С. 201–208.
11. Федорова Е.А. Факторы, влияющие на приток иностранных инвестиций в регионы // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 43. С. 51–62.
12. Вершинина А.А. Методика статистической оценки инвестиционной привлекательности регионов для прямых иностранных инвестиций // Экономические науки в России и за рубежом. 2014. № XVI. С. 74–79.
13. Gonchar K., Marek Ph. The regional distribution of foreign investment in Russia: Are Russians more appealing to multinationals as consumers or as natural resource holders? // Economics of Transition. 2014. V. 22 (4). P. 605–634.
14. Kuzmina O., Volchkova N., Zueva T. Foreign Direct Investment and Governance Quality // Russia Journal of Comparative Economics. 2014. V. 42. P. 874–891.
15. Герасимова Е.А., Гизатуллина О.М., Коренькова Ж.О. Факторы, оказывающие влияние на приток прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Вестник СамГУПС. 2015. № 1 (27). С. 82–87.
16. Решетова Я.М., Шилков Д.Е., Шорохова И.С. Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы: результаты эконометрического моделирования // Журнал экономической теории. 2015. № 1. С. 173–176.
17. Федорова Е.А., Коркмазова Б.К., Толкачев А.В. Региональная политика привлечения иностранных инвестиций в предприятия: эмпирический анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 4 (379). С. 2–12.
18. Iwasaki I., Sukanuma K. Foreign Direct Investment and Regional Economic Development in Russia: An Econometric Assessment // No 44, RRC Working Paper Series from Russian Research Center, Institute of Economic Research, Hitotsubashi University. 2015.
19. Buccellato T., Santangelo F. Foreign direct investments distribution in the Russian Federation: Do spatial effects matter? Economics Working Papers, 2009. – 99, Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe, SSEES, UCL, London.
20. Бурцева Т.А., Журавлева О.В. Влияние иностранных инвестиций на развитие регионов России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 10. С. 12–14.
21. Ларионова Н.А., Сотников А.И. Оценка влияния иностранных инвестиций на экономику региона // Kant: Экономика и управление. 2013. № 1. С. 17–20.
22. Паук М.И. Эффективность влияния иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие региона // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 3. С. 72–76.
23. Smith N., Thomas E. The Role of Foreign Direct Investment and State Capture in Shaping Innovation Outcome in Russia // Europe-Asia Studies. 2015. V. 67:5. P. 777–808.
24. Ledyeva S., Karhunen P., Kosonen R., Whalley J. Offshore Foreign Direct Investment, Capital Round-Tripping, and Corruption: Empirical Analysis of Russian Regions // Economic Geography. 2015. Volume 91. Issue 3. P. 305–341.

25. Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между востоком России и северо-востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 149–176.

26. Потапенко М.В. Инвестиции Китая в страны Африки: потенциальные риски для России // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 277.

27. Константинова Ю.Н. Иностранные инвестиции как фактор экономического развития региона // Экономика и социум. 2014. № 3–2 (12). С. 232–234.

28. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы: Монография. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.

29. Сыроежкин К. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнерству // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 47–60.

ANALYSIS OF CHINESE DIRECT INVESTMENTS IN THE RUSSIAN REGIONS

M.L. Gorbunova, V.N. Ovchinnikov, A.Yu. Apykhtina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper focuses on the investigation of some peculiarities of Chinese foreign direct investment in the Russian regions. The authors have tested a sequence of hypotheses by means of parametric and non-parametric statistics. The following key findings of our research can be stated. When choosing a localization of proper capital resources, Chinese investors are not guided by typical considerations such as the consumption potential of the domestic markets, their growth rates and the role of the raw material industry in the region's economy. No connection was revealed between the number of Chinese migrants and the amount of Chinese FDI in the region. A significant negative relationship was found between the distance of the region from China and the volume of investment accumulated.

Keywords: foreign direct investment (FDI), gross regional product (GRP), Chinese migration, Chinese investment, Russian regions, Pearson's linear correlation coefficient, Spearman's rank correlation coefficient, statistical relationship, statistical significance.